

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-73-89

© А. Л. СОВОЛЕВ

ЕЩЕ РАЗ О НЕУДАВШЕЙСЯ ПОПЫТКЕ ЭМИГРАЦИИ Ф. К. СОЛОГУБА И А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ*

Ключевой сюжет биографии Сологуба закатных дней — череда обреченных попыток покинуть Советский Союз — неоднократно становился предметом квалифицированных исследований. Начало им было положено лаконичной публикацией в парижском «Континенте»;¹ осязаемые приращения материала содержались в работах В. Н. Шепелева и В. Любимова,² Н. А. Мышова,³ А. В. Лаврова⁴ и М. М. Павловой.⁵ Между тем этот представительный набор фактов и документов все равно не создает связной картины. Не говоря уже о том, что мы не знаем в подробностях, как принимались решения большевистским конклавом, который то разрешал Сологубам выезд, то срочно дезавуировал свое собственное решение, — в этой хронике очевидным образом не хватает нескольких важных элементов. Так, например, необъясним один из центральных эпизодов этой драмы: хорошо известно, что в конце января 1921 года для Сологуба и Чеботаревской были подготовлены заграничные паспорта с открытыми визами. Примерно месяц спустя паспорта эти были затребованы обратно (что сорвало очередную возможность бегства) — но примечательно, что физически они — с полным набором необходимых виз — сохранились в собственном сологубовском архиве.⁶ Нижеследующий комплекс документов, большая часть которых хранится в фондах Российского государственного военного архива (РГВА), добавляет несколько существенных деталей к уже известным фактам.

Первый из отложившихся там документов относится к зиме 1919–1920 года. Известно, что 20 декабря 1919 года Политбюро ЦК отклонило ходатайство Сологуба о разрешении ему выезда за границу, в качестве компенсации поручив его заботам комиссии по улучшению условий жизни ученых.⁷ Как следует из сохранившегося протокола, заявление Сологуба было внесено на рассмотрение Политбюро Л. Д. Троцким — и это обстоятельство представляется весьма знаменательным.

Сологуб с Чеботаревской (как, впрочем, и большинство писателей-символистов) обладали весьма обширными знакомствами в революционной среде. Так, полицейский департамент, внимательно следивший еще с 1890-х годов за сестрами Чеботаревскими, несколько раз фиксировал их недозволенные контакты:

* Приношу глубокую благодарность за помощь в работе И. Р. Петрову и Н. Н. Соболевой.

¹ Письма Федора Сологуба в Совнарком, В. И. Ленину и А. В. Луначарскому / Публ. Ф. Федорова // *Континент*. 1992. № 2 (72). С. 255–259.

² «Шипение Сологуба не прибавит ничего» / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // *Источник*. 1995. № 5. С. 66–71.

³ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». Документы российских архивов о писателе Ф. Сологубе. 1920-е гг. / Публ. подг. Н. А. Мышов // *Отечественные архивы*. 2006. № 6. С. 84–95.

⁴ Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // *Неизданный Федор Сологуб*. М., 1997. С. 299–300.

⁵ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». Материалы к поздней биографии Федора Сологуба // «Радость ждет сокровенного слова...»: Сборник научных статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига, 2013. С. 184–195.

⁶ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 6. Этот факт впервые был обнаружен в указанной работе М. М. Павловой.

⁷ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 1999. С. 14.

в частности, 25 апреля 1901 года московский обер-полицеймейстер сообщал, что «Татьяна Чеботаревская <...> в настоящее время, вместе с сестрами своими Александрой и Анастасией Чеботаревскими и Ольгой Николаевной Черносвитовой, урожденной Чеботаревской, привлечены при Московском Губернском Жандармском Управлении к дознанию в качестве обвиняемой по делу о „Московском Комитете Российской социал-демократической рабочей партии“, ликвидированном 1-го минувшего Марта...».⁸ С одним из будущих высокопоставленных большевиков они состояли и в родстве: Ольга Николаевна Чеботаревская была замужем за Н. Н. Черносвитовым, чья сестра приходилась снохой А. В. Луначарскому. Анастасия Николаевна была знакома и с Л. Б. Каменевым — в марте 1915 года, покуда тот вынужденно пребывал в Туруханском крае, она, беспокоясь о его ученых занятиях, писала Блоку:

«Дорогой Александр Александрович, обращаюсь к Вам с просьбой, переданной мне сегодня от заключенного по делу с. д. депутатов: Л. Б. Каменева (Розенфельда) его женою:⁹ не будете ли Вы так любезны передать для него (можно чрез нее, тел. 65-65 или меня) Ваши стихотворения, он хочет заняться их изучением и писать о них что-то. Я бы не писала Вам об этом, помня Ваше неудовольствие в последнем нашем разговоре (ибо Л. Б. принадлежит к той же злосчастной нации), но дело в том, что средств на приобретение книг у них абсолютно нет и я взялась передать эту просьбу совершенно объективно: хотите дайте — хотите нет. Кроме того, с тех пор произошли некоторые события, которые в известном смысле могли повлиять на Ваше несколько одно-стороннее мнение в известных положениях.

А затем, я бы очень просила Вас, милый Александр Александрович — не вносить этого элемента раздора в наши личные отношения — и так не слишком интенсивные, но которыми я и Ф. К. всегда очень дорожим, — дело ведь не в том, чтобы часто видеться, а в том, чтобы читая книгу или смотря картину (пьесу, музыку) вспомнить иногда — это понравилось бы Александру Александровичу или наоборот — такой тонкий, еле ощутимый контакт чувств *сквозь и через все и вся*. Поверьте, что во всех „делах“, кот<орые> делаешь (и сейчас) есть много привкуса, претящего и нам — но иногда нужно заткнуть нос, чтоб перевязать рану или подать воду... А когда Вы читали стихи Ваши недавно у нас, это был единственно светлый момент за весь этот год...¹⁰ Поэтому — не сердитесь и ответьте. Ваша Анс. Чебот.»¹¹

Хорошо были они знакомы и с Троцким. Мы не знаем в точности времени и обстоятельств их первой встречи, но известно, что они виделись в Мюнхене около 4 октября 1911 года (по новому стилю). В этот день, рапортуя Зинаиде Гиппиус о немецкой части своего заграничного вояжа, Сологуб писал: «...были мы в веселой Вене, теперь в веселом Мюнхене. <...> Сочетание Пропилеев и сосисок, античности и пива производит ошеломляющее впечатление: когда же от него очнешься, то видишь, что здесь очень приятно жить».¹² И в тот же самый день он получил письмо от Троцкого, где, в частности, говорилось: «Спа-

⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. Ед. хр. 3500. Л. 10. Дело об Ал. Н. Чеботаревской было выделено в другое производство: Там же. Ф. 63. Оп. 19 (1899). Ед. хр. 1637.

⁹ Каменева Ольга Давидовна (урожд. Бронштейн; 1883–1941; расстреляна) — жена Каменева и сестра Троцкого; в будущем — крупный деятель советской культуры.

¹⁰ Возможно, речь идет о вечере 20 января 1915 года (см. в записной книжке Блока под этой датой: «Я у Сологуба до 6 ч. утра (Л. Андреев, Петров-Водкин, Верховский, Тиняков, Щеголевы)» (Блок А. Записные книжки, 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Вл. Орлова. М., 1965. С. 254).

¹¹ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 447. Л. 25–26 об. На письме пометы Блока «получ. 5.III.1915» и «Отв. 7 III (посл. книги и письмо)». Блоковедческие работы Каменева нам неизвестны. Какие обстоятельства начала 1915 года должны были поколебать юдофобию Блока, не слишком очевидно.

¹² РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1 (датируется по почтовому штемпелю).

сибо за память и за теплые слова приветов. Рад очень, что несколько часов, проведенных нами вчетвером, Вами хорошо вспоминаются. Надеюсь, что не в последний раз встретились с Вами. Жму сердечно руку Настасье Николаевне и Вам. Н. И.¹³ Вам обоим очень кланяется. Надеюсь, что эти строки еще застанут Вас в Мюнхене».¹⁴

Документирована еще одна их встреча, три года спустя, во время заграничного путешествия Сологубов весной 1914 года, описывая сестре обстоятельства этой поездки, Чеботаревская, в частности, сообщала: «Мы вернулись 14 июня только из путешествия — в общем оно было чрезвычайно удачно, только рулетка была не столь любезна, как в первый раз, но это пустяки, конечно, в сравнении с массой приятных и забавных впечатлений. Из Парижа мы направились в С<ан>-Себастьян, где только понюхали Испании, от которой я уже в восторге и мечтаю о путешествии внутри страны, как следует; отсюда — через Пиренеи — очень живописно (посетили там Мазона,¹⁵ жившего летом в Фуа) — в Монако, где было очаровательно, — масса цветов, — персики изумительные (с большое яблоко), черешни, гвоздика, лилии — прямо за гроши — пробыли там всего неделю; отсюда через Венецию — в Вену, где два дня провели с Троцкими, очень мило, ездили на гору с рестораном, в шантан и театрик, были у них, много говорили о литературе и пр. Он очень скучает и томится в Вене, но очень по-моему развился и был очень интересен — она немного поблекла и как-то молчит больше; мальчики¹⁶ очень славные, самостоятельные, живые — в него. В Париже видели, конечно, Шейниса,¹⁷ кот<орый> уговорил Ф. К. прочесть в пользу Т<ургеневской> библиотеки свою лекцию (в Берлине тоже чит<ал>), Минских,¹⁸ Буайе,¹⁹ Луначарских,²⁰ Апостолов,²¹ Бальмонта... Анатолий очень много бегаёт и пишет (и читает!), но как-то рассеян и ни на чем определенном и большом не сосредотачивается... „Анюта“ как-то постарела, утихомирилась, стала проще, менее претенциозна. С удовольствием побывала в неск<ольких> театрах и на вечере Иветты Гильберт.²²

15-го были уже в „Тойле“, где васильки и черника должны заменить нам розы и персики Ривьеры».²³

Вполне вероятно, что в одну из этих встреч Троцкий сообщил своим соотрапезникам, что ему нравится рассказ Сологуба «Старый дом», чем Анастасия Николаевна позже пыталась козырять, чтобы добиться его републикации.²⁴ В любом случае, через пять лет Троцкий по своему положению в новой

¹³ Седова Наталья Ивановна (1882–1962) — жена Троцкого.

¹⁴ Константинов С. В. «В неверном озаренье славы...». Реформаторы и жертвы. М., 2008. С. 73. Письмо осталось в архиве Троцкого в РГАСПИ, так что до адресата, может быть, и не дошло.

¹⁵ Мазон Андре (1881–1967) — французский славист, знакомый и корреспондент Сологуба.

¹⁶ Сыновья Седовой и Троцкого: Лев Львович Седов (1906–1938) и Сергей Львович Седов (1908–1937; расстрелян).

¹⁷ Шейнис Лев Исаевич (1871–1924) — врач и журналист, председатель правления упомянутой далее Тургеневской библиотеки; его контакты с Сологубом нам неизвестны — вероятно, сестры Чеботаревские знали его по парижским годам, как важное действующее лицо русской диаспоры.

¹⁸ Минские — Николай Максимович Минский (1885–1937) и Людмила Николаевна Вилькина (1873–1920).

¹⁹ Буайе Поль (1864–1949) — профессор, преподаватель русского языка.

²⁰ Луначарские — Анатолий Васильевич (1875–1933) и его первая жена, упоминаемая далее «Анюта», Анна Александровна Малиновская (1883–1959).

²¹ Апостолы — юрист и историк Павел Николаевич (1872–1942; погиб в Аушвице) и его жена музыкант Ольга Марковна (1872–1943; погибла в Аушвице).

²² Гильберт Иветта (1865–1944) — певица.

²³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 51–52 (письмо Ан. Н. Чеботаревской к О. Н. Чеботаревской от 2 июля 1914 года).

²⁴ Ср., например, в ее письме к Е. А. Ляцкому от 12 марта 1917 года: «Глубокоуважаемый Евгений Александрович, / не хотите ли — в порядке спешности издать в „Огнях“ мой перевод Мишле „Женщины Революции“, который я скоро кончу? Также повесть Ф. К. „Старый Дом“,

власти мог оказать им существенную протекцию — но представленное им ходатайство оказалось отвергнуто Центральным комитетом. Несмотря на это, через неделю после этого Сологуб и Чеботаревская пишут ему новое письмо:

«27 декабря 1919 г.

Уважаемый Лев Давыдович,

Обращаемся к Вам на этот раз уже не для себя, а с просьбою, касающеюся судьбы, может быть, жизни человека, который волею случая причислен к опасным „заговорщикам“, а по существу честнейший, способнейший и благороднейший человек. Вся вина его в том, что он — гражданин в лучшем смысле слова, любил Россию, невыразимо страдал от бездны несчастий, обрушившихся на нее, остро переживал все это и, м. б., безрассудно, нелепо, отчаянно (отчаяние искажает исторические перспективы, затемняет сознание, родит безумие) бросился в какие-то дела, абсолютно чуждые ему по натуре, но по благородству взял на себя в признаниях, может быть, чужую вину и чужую роль, — по скромности он вряд ли мог претендовать на приписываемую ему роль „министра“ путей сообщения — просто мог согласиться работать по восстановлению транспорта. Это — инженер М. Д. Альбрехт, которого мы совсем случайно знали (он был немного беллетристом) по литературным отношениям, знали внешне очень мало, но вполне достаточно для профессионалов-литераторов, художественное зрение которых не могло не заметить, какой ценный человеческий материал он собою представляет. Мы только что прочли в „Правде“ призыв к инженерам, техникам, — и какую злою ирониею кажутся то, что в момент величайшего напряжения технической энергии страны люди, одушевленные высшим строительным пафосом, как Альбрехт, сидят на Шпалерной, а не кипят в горниле работы. Мы говорим с Вами, Лев Давыдович, не как с представителем власти, а как с художником и строителем, как человеком, способным на широкий и великодушный жест, и Вы поймете, что мы, лично далекие всегда, как Вы это знаете, от всяких конспираций (нам интересно лишь то, что художественно-экспрессивно), просим Вас обратить внимание на этого человека, как на большую созидательную силу, в которых так нуждается и будет еще долго нуждаться Россия для залечивания тяжких ран. К тому же он сейчас болен и здесь совершенно одинок. Мы не знаем точно ни степени его вины, ни его роли в приписываемом ему деле, — повторяем, случайно узнали его только, как первоклассного человека и спеца, и убеждены, что он нужен, что он пригодится России, столь бедной и теми, и другими. Возьмите его в концентрационный лагерь на технические работы, заставьте его работать умело, используйте его силы, но не отнимайте жизни, — таких людей в России мало, уже почти не осталось.

С приветом

Федор Сологуб

Анс. Чеботаревская

Р. С. Лично Вас горячо благодарим.

Ф. С.

Анс. Чеботаревская-Сологуб».²⁵

Здесь требуется определенный комментарий. Во второй половине октября 1919 года Петроградская губернская ЧК, всероссийский Особый отдел и Осо-

написанную на сюжет трагической судьбы моего брата (в 1906 г.) и признанную известным Троцким (бывший предс<едатель> Совета Рабочих Депутатов 1905) лучшей беллетристкой из революционного быта?» (Письма Ан. Н. Чеботаревской к Е. А. Ляцкому (1912–1917) / Вступ. статья, публ. и прим. Дж. Меррилла // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 436).

²⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 51–52 об.

бый отдел 7-й армии раскрыли в Петрограде крупный заговор, состоявший из отставных сановников, членов кадетской партии и партии эсеров. Дело было весьма значительное, о нем четыре года спустя напечатали многостраничный сборник.²⁶ Среди прочих содержащихся там подробностей назывался персональный состав «Временного правительства», которое должно было возглавить Россию после победы заговора. Вторым лицом в нем — будущим министром транспорта — значился инженер Михаил Давидович Альбрехт.²⁷ В чекистском отчете приводится довольно много подробностей о нем: в частности, обильно цитируются материалы его допроса. Именно за этого человека заступается в письме Сологуб.

Он был не только инженером, но и беллетристом — под псевдонимом «Мищенко-Атэ» выпустил в 1910-е годы в типографии «Сириус» две глубокомысленные ультра-декадентские драмы, прошедшие незамеченными — роскошные издания на прекрасной бумаге.²⁸ Биографические сведения, касающиеся его отношений с современной ему литературой, немногочисленны; в периодике он не печатался. Но его младший брат в мемуарах вспоминает, что у него была многолетняя связь с дамой-писательницей значительно старше его — по фамилии Гнедич. «Она ввела его в литературный круг Санкт-Петербурга и поощряла его поэтические склонности».²⁹ Может быть, через эту таинственную даму он и познакомился с Сологубом — но не исключено, конечно, что Сологуб действовал по просьбе кого-то, кто знал о его знакомстве со весильным Троцким. В любом случае, заступничество это успеха не имело — Альбрехт был расстрелян в 1920 году. Но кажется, сам факт ходатайства за крупного заговорщика (по версии ЧК, естественно) сказался в дальнейшем на собственной судьбе Сологуба.

Весь 1920 год проходит в попытках выезда. 1 апреля Сологубы получают утешительные известия из Москвы — Ал. Н. Чеботаревская пишет сестре: «О выезде за границу я слышала, что здесь хлопотал и получил разрешение выехать А. Белый (первый по счету), затем подали заявление ваш питерский Браун (приезжал сам в Москву) и наш Вяч. Иванов. Для обоих порядок такой: комиссариат запрашивает Эстонию, могут ли данные лица выехать в Ревель и, получив утвердительный ответ, выдает паспорт лицу, кот<орое> выезжает в Ревель, а там снова консульства запрашивают ту страну, куда они едут, можно ли выехать дальше, а до того времени надо сидеть в Ревеле и ждать ответа. Браун и Иванов получили разрешение выехать в Ревель, теперь могут ехать и дожидаться дальнейших разрешений».³⁰ Вероятно, имея в виду описанную перспективу, 21 апреля Сологуб сообщил И. С. Рукавишникову: «Мы не теряем надежды на то, что нам разрешат выехать на короткое время за границу: и мне и Анастасии Николаевне надо полечиться и отдохнуть от тех

²⁶ Борьба за Петроград. 15 октября — 6 ноября 1919 года. М.; Л., 1923.

²⁷ Там же. С. 10. Здесь же приводится краткий экскурс его биографии: «Второй крупной фигурой предполагавшегося белогвардейского правительства является инженер Михаил Давидович Альбрехт. Служит в комитете государственных сооружений Северного района. Семья находится в Минске под покровительством белогвардейцев поляков. До февральской революции был начальником технического отдела, с Октябрьской революции до ареста состоял в должности заведывающего отделом технических изысканий Ужedorстроа в Москве».

²⁸ *Мищенко-Атэ*. 1) Три победителя. СПб., 1910; 2) День испытания. СПб., 1911. В новейшее время они переизданы в сопровождении труднообъяснимо апологетических статей: *Мищенко-Атэ М. Д.* День испытания. М., 2009. Его двухтомное собрание сочинений напечатано по-немецки: *Miszenko-Até. Ein neuentdecker Dichter des Silbernen Zeitalters / Urtextausg. u. Erstübers.* von H. Hammer; hrsg. von M. von Albrecht. Frankfurt a/M., 1987–1988.

²⁹ *Альбрехт Г. фон*. От народной песни к додекафонии / Под общ. ред. М. фон Альбрехта; пер. Е. Федоровой. М., [2006]. С. 36; фамилия дамы названа на с. 280.

³⁰ *Обатнин Г. В.* Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // Русская литература. 1997. № 2. С. 224.

тяжелых условий, в которых нам пришлось жить последние годы».³¹ 5 июня отправлено известное письмо Ленину со свежим перечнем обид и просьбой отпустить на три месяца в Эстонию.³² Скорее всего, до адресата оно так и не добралось, а было Л. А. Фотиевой, тогдашним ленинским секретарем, перенаправлено в ЦК, где на нем оставили резолюции оба сологубовских знакомых: и Каменев, и Троцкий единогласно предлагали выезд запретить.³³ Несмотря на это обескураживающее обстоятельство, хлопоты были продолжены, причем на этот раз по линии Министерства просвещения: 8 октября того же 1920 года руководящим органом Наркомпроса было подтверждено, «что к выезду писателя Ф. Сологуба и А. Н. Чеботаревской со стороны Коллегии Наркомпроса препятствий не встречается».³⁴ В Москве (где Сологубы были осенью 1920 года) о них продолжала хлопотать Александра Николаевна Чеботаревская, регулярно отчитывавшаяся перед мужем сестры об успехах: «постановление гласит сообщить наркоминделу что выезду ревель сологуба чеботаревской со стороны коллегии наркомпроса препятствий не встречается теперь надо хлопотать наркоминделе» (телеграмма; 12 октября).³⁵ 20 октября она отправляет в Петроград опросные листы, необходимые для получения паспортов: «Одновременно с этим посылаю *казным* письмом опросные листы для заполнения их. Необходимо каждому из вас заказать по *три* фотографич<еских> карточки и приложить к листам при возвращении».³⁶ В последних числах декабря Сологуб и Чеботаревская отправляются в Москву: проезд партикулярных лиц по железным дорогам в это время затруднен, так что они получают командировочное удостоверение,³⁷ а в Москве устраиваются в здравнице на Воронцовом поле.³⁸ Отсюда начинается новый комплекс документов из архива Троцкого.

«14 января 1921

Многоуважаемый Лев Давидович,

Решаемся снова побеспокоить Вас по следующему поводу. Наше дело о поездке за границу все еще на точке замерзания, отчасти из-за того, что мы не решались верить анкетные листы почте, отчасти оттого, что ждали накопления необходимых для этого средств от представлений моей пиесы „Узор из роз“, шедшей с большим успехом во 2 Студии Художественного Театра. Но пиеса в последние три месяца не могла идти вследствие того, что О. Д. Каменева, не выдав ее, находила ее, по чьим-то отзывам, „кадетскою“, и только товари-

³¹ РГАЛИ. Ф. 1147. Оп. 2. Ед. хр. 28. Л. 2.

³² «Шипение Сологуба не прибавит ничего». С. 67–68; «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 87–88.

³³ Эти пометы приводятся только в публикации «Отечественных архивов»: «Я не верю, что Сологуб не будет поливать нас грязью за границей. Полагаю (вероятно, «предлагаю». — А. С.) дать ему здесь паек, поселить в санатории, издать „Старый дом“ (что действит<ельно> хорошая вещь, очень!). Л. Каменев. 21.06.20»; «На мой вопрос т. Зиновьев ответил, что Сологуб *получает* паек. За границу и он, и жена его (особенно она) будут клеветать всячески. Троцкий» (Там же. С. 88).

³⁴ Берд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40 С. 324–325. Копия (впрочем, датированная 5 октября) сохранилась в архиве Сологуба: Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 186.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 726. Л. 29.

³⁶ Там же. Л. 30.

³⁷ Удостоверение на бланке Всероссийского Профессионального союза писателей оформлено 28 декабря 1920 года, зарегистрировано в Петросовете 29 декабря (Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 187).

³⁸ 10 января 1921 года Сологуб сообщил Н. Г. Чулковой: «Пишу Вам из здравницы, где я и Ан. Ник. поместились, приехав в Москву, — Воронцово поле, Б. Николо-Воробинский переулок, 3, телефон 43-80» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 3).

щи, просмотревшие наконец пьесу, дали разрешение ставить ее (с 22 декабря). Таким образом нам не удалось скопить необходимую для отъезда сумму.

Не скрою, что мы далеко не с легким сердцем решаемся расстаться хотя бы временно с Россиею; выжидали, как и все эти три года, возможности быть полезными своей стране, но увы! До сих пор мне не удалось напечатать ни строчки, и я вынужден обратиться к рукописному изготовлению книжек стихов, которые продавал любителям, зарабатывая этим, конечно, гроши.³⁹ Я всю жизнь прожил своим личным трудом, и теперь положение, хотя бы и почетного, пенсионера ученого пайка (учительской пенсии я лишен) меня крайне тяготит, и я все-таки хотел бы поехать туда, где могу что-нибудь напечатать.

Одновременно с нами хлопотал о командировке за границу наш друг, талантливый молодой ученый, проф. Григорий Леонидович Лозинский, больной туберкулезом костей и передвигающийся при помощи костыля. Хорошо зная буквально подвижническую деятельность этого человека, совершающего походы верст по 12 во всякую погоду в 5 учебных заведений, где он преподает, деятельность, могущую служить образцом добросовестности и высокого сознания своих преподавательских обязанностей, я убедительно прошу Вас обратить внимание на его просьбу и дать ему возможность поехать хотя бы на 6 месяцев (с марта по сентябрь) в единственный для этого рода больных курорт Bergsk-Plage в Бретани, а также закончить свою диссертацию, для которой нужны рукописи и книгохранилища во Франции. Л. Г. Лозинский — лингвист, беспартийный, исключительно предан науке и педагогической деятельности, протекающей весьма успешно в Петроградском Университете, двух Педагог<ических> институтах и др<угих> высш<их> уч<ебных> заведениях. Если Вам покажется подозрительною его якобы польская фамилия, то документально известно, что он и родители его — русские, он родился и всю жизнь прожил в Петербурге. (Есть другой Лозинский, кадет и историк, с которым его иногда смешивают). Я позволю себе обратить Ваше внимание, бесконечно занятое, на его очень тяжелое положение, так как секретариат Наркомпроса затерял его прошение, и на этом дело затормозилось; я же, зная Ваше гуманное и деловое отношение к вопросам, не терпящим отлагательства, <прошу?> не отказать еще раз уделить нам несколько минут Вашего, конечно, высоко-ценного времени (письменно, а еще бы лучше лично, — все это можно было убедительнее объяснить Вам и помочь нам обоим, а также нашему другу, которым, как ученым и гражданином, наша страна вполне может гордиться (Лозинского знают и ценят за границей), поехать на краткое время за границу, чтобы, вернувшись, с обновленными силами приняться за строительную работу, которая, Бог даст, к тому времени все-таки наладится.

Наш Московский адрес: Воронцово поле, Николо-Воробинский переулок, телефон 43-80.

С приветом

Федор Сологуб». ⁴⁰

Обстоятельства появления в сюжете нового лица — филолога Григория Леонидовича Лозинского (1889–1942) — хорошо известны благодаря незаурядной памяти А. А. Ахматовой. Дважды она рассказывала своим конфидентам — в 1940 году Л. К. Чуковской и двадцать лет спустя М. С. Лесману

³⁹ Возможно, к письму прилагался образец одной из них — экземпляр № 1 рукописной книги «Кануны» (о том, что он был преподнесен Троцкому, сообщает Дж. Меррилл в предисловии к своей работе: Письма Ан. Н. Чеботаревской к Е. А. Ляцкому (1912–1917). С. 429).

⁴⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 184. Другой Лозинский — историк Самуил Горациевич (1874–1945). О его участии в кадетской партии сведений у нас нет.

о мучительной неразделенной любви Чеботаревской, подтолкнувшей ее к роковому шагу.⁴¹ Предметом этой страсти (что также выяснилось благодаря череде устных преданий) и был Лозинский.⁴² Кажется невозможным установить, было ли ходатайство за него перед Троцким личной инициативой Чеботаревской, или он специально просил Сологубов об этом. Согласно его собственным воспоминаниям, последний раз они встречались лишь в феврале 1920 года,⁴³ но очевидно, что психологический контекст их отношений не располагал к скрупулезной фактографии мемуаров.

Между тем приведенное письмо начинает перемещаться по инстанции. Отправлено оно из Москвы 14 января 1921 года, причем, вероятно, не по почте, а с посыльным либо подано лично. В тот же день Троцкий накладывает резолюцию: «Анатолий Васильевич? Ваш отзыв?»⁴⁴ И в этот же самый день управляющий аппаратом Троцкого пересылает его Луначарскому с просьбой по прочтении возвратить обратно в канцелярию. Луначарскому на раздумья понадобились две недели. 28-го он отвечал на официальном бланке: «Возвращаю вам письмо Сологуба. Вновь подтверждаю, что с моей стороны никаких препятствий к выезду Сологуба за границу нет, о чем, насколько я помню, я уже сообщал как т. Троцкому, так и т. Чичерину. Что касается Лозинского, то ему надлежит подать обычное ходатайство М. Н. Покровскому, который ведает вопросом о посылке за границу ученых».⁴⁵ Примечательно, что, покуда сам оригинал письма находится у Луначарского, Троцкий, не дожидаясь ответа последнего, продолжает действовать — может быть, в память о давнем знакомстве. 18-го января, то есть через четыре дня, он отдает распоряжение секретарю, Георгию Васильевичу Бутову (1891–1928; погиб в заключении), который записывает для памяти: «Сообщить по телефону 2-79-80⁴⁶ Сологубу следующее: Лев Давыдович должен был выехать внезапно из Москвы. До отъезда он не успел выяснить интересующий Вас вопрос ввиду отсутствия из Москвы т. Луначарского. Получено ли Вами было несколько месяцев тому назад формальное разрешение на выезд в Ревель? Если такое было получено, но не было использовано, или если имеются другие документы, свидетельствующие, что такое разрешение уже имелось, то это несомненно облегчило бы дело.

Когда т. Бутов получит ответ, пусть снесется с т. Дзержинским, с которым я об этом говорил и с т. Караханом. Если со стороны этих товарищей не будет препятствий, то пусть т. Бутов технически ускорит получение разрешения».⁴⁷

На следующий день, 19 января, кто-то из секретариата Троцкого звонил в здравницу и говорил с Сологубом: резюме их беседы (снабженное неразборчивой подписью абонента) подшито в том же деле: «Тов. Сологуб передал, что разрешения на выезд за границу он не получал. Имеется у него лишь протокольная запись коллегии Нар. Комиссариата по Просвещению о неимении препятствий со стороны Наркомпроса к выезду за границу. Недавно т. Сологубом были получены анкеты от Наркоминдела для заполне-

⁴¹ См. об этом: *Тименчик Р. Д.* Ахматова и emigrantica // Литературный факт. 2020. № 2. С. 376–377.

⁴² Там же. С. 377.

⁴³ Там же. С. 379.

⁴⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 184.

⁴⁵ Там же. Л. 183.

⁴⁶ Появление этого номера весьма любопытно: Сологуб оставлял Троцкому другой телефон здравницы (43-80), хотя указанный здесь тоже принадлежал ей. Поскольку само медицинское заведение относилось к сануправлению Кремля, для секретаря Троцкого не было сложным выяснить номер, но зачем? Перепроверять его слова? Попросить местное начальство относиться к нему повнимательнее?

⁴⁷ Там же. Л. 191.

ния на предмет выезда за границу. Также на этих анкетах должна быть подпись поручителей, но он таковые направил в Петроград для соответствующей подписи». ⁴⁸

После вялого течения предыдущих месяцев ситуация вдруг стала развиваться стремительно: во-первых, в сюжет оказались вовлечены еще два наркома — Ф. Э. Дзержинский и Л. М. Карахан. Во-вторых, вероятно, Троцким было отдано распоряжение максимально ускорить дело: это видно по интенсивности бумагооборота, возникшего в ближайшие дни. Главным камнем преткновения оказались вдруг анкеты с поручительствами: это недолго продержавшееся раннесоветское требование каждому покидающему СССР заручиться ходатайством остающегося в стране гражданина (подразумевалось, что эмигрант будет воздержан в клевете на оставленную родину, чтобы не подвести поручителя). В деле подшиты сразу два документа, датированных следующим, 20 января — оба они явно свидетельствуют о желании поскорее отправить Сологуба в Европу.

Первый из них — записка Бутова, возможно, для памяти: «Надо узнать еще дополнительно как отправил анкеты в Петроград товарищ Сологуб — с нарочным или по почте — и каким образом можно ускорить их подпись и обратную отправку. Может быть на чье-нибудь имя послать т<елеграм>му. Или уж послать с другой анкетой специально нарочного из поезда в Питер». ⁴⁹

Выглядит этот документ довольно парадоксально. Еще недавно большевики не только отказывали Сологубу в выезде (прошло меньше года с отрицательных резолюций Каменева и Троцкого), но, судя по всему, были настроены вообще не выпускать писателей — и вот секретариат члена Политбюро готов отправить фельдъегеря, чтобы хоть немного ускорить эмиграцию беспартийного литератора. Может быть, конечно, Бутов не разгадал замысла своего патрона и проявил излишнее усердие — но все равно эта энергия впечатляет. Очевидно, в этот же день звонил в здравницу еще один подручный Троцкого, Александр Николаевич Горяинов:

«СПРАВКА

Тов. Сологуб добавил, что к анкетам должны быть представлены 2 поручительства на отдельных листах. Один лист для него уже подписал Лурье из Наркомпроса, ⁵⁰ другой он послал Павлу Елисеевичу Щеголеву, <в> Петроград, для подписи, недели две тому назад заказным письмом. Очень хорошо будет, если мы тем или иным способом сообщим Щеголеву, что следует ускорить присылку поручительства Сологубу в Москву.

Принципиальных согласий на выезд из России т. Сологуб ни от каких ведомств не имеет.

На основании вышеизложенного, передана в Петроград уполномоченному связи поезда т. Александрову нижеследующая телефонограмма: „Павлу Елисеевичу Щеголеву Петроград Б. Дворянская д. 10 или дворец Урицкого, музей революции члену коллегии музея Щеголеву. Сологуб просит Вас ускорить присылку поручительства. Помуправканц ПредРВСР Горяинов“. И добавлено, чтобы т. Александров тем или иным способом доставил эту телефонограмму Щеголеву и взял от него если это будет возможно просимое поручительство для доставки с поездом в Москву в секретариат». ⁵¹

⁴⁸ Там же. Л. 190.

⁴⁹ Там же. Л. 187. Под поездом, вероятно, подразумевается легендарный «поезд Троцкого» — передвижная многовагонная тяжеловооруженная канцелярия. Из этого следует, что сам Троцкий и его поезд в это время находились в Петрограде.

⁵⁰ Лурье Артур Сергеевич (1892–1966) — композитор и музыковед, на тот момент высокопоставленный сотрудник Наркомпроса.

⁵¹ Там же. Л. 186.

Впервые Сологуб просил Павла Елисеевича Щеголева о поручительстве в недатированном (вероятно, относящемся к осени 1921 года) письме:

«Дорогой Павел Елисеевич,

Обращаюсь к Вам с просьбой дать поручительство, требуемое для выезда за границу. Как я уже имел случай говорить Вам, поездкою за границу я намерен воспользоваться исключительно для устройства моих литературных дел, — напечатание <так!> моего нового романа „Заклинательница Змей“ и перевод его на иностранные языки. Заниматься политикой я совершенно не намерен. Буду очень благодарен Вам, если Вы дадите необходимые подписи и таким образом поможете мне исполнить установленные формальности.

С приветом,

Федор Сологуб». ⁵²

Щеголев, со своим богатым революционным прошлым и вполне ортодоксально большевистским настоящим, был идеальным поручителем, но, исполняя сологубовскую просьбу, он допустил оплошность бюрократического свойства, о чем Сологуб сообщал ему 11 января 1921 года:

«Дорогой Павел Елисеевич,

Большая к Вам просьба: Вы уже были любезны подписать наши анкетные листы в качестве поручителя. Теперь оказывается, что это поручительство надо повторить на отдельном листе. Прилагаю листы мой и А. Н. Будьте добры подписать и вернуть поскорее заказным по адресу: Москва, Воронцово-Поле, Б. Николо-Воробинский переулок, 3, Здравница. Очень обяжете.

Как видите, здесь мы приютились в здравнице. Уютно, сытно, вообще хорошо. Пока еще никого почти не видели.

Поклон и приветы от меня и А. Н. Валентине Андреевне⁵³ и Павлуше,⁵⁴ — он у Вас все энергичнее обращается в Павла Павловича. С новым годом.

Привет и лучшие пожелания

Федор Сологуб». ⁵⁵

Еще через пять дней все бумаги были собраны. 26 января Сологуб отвозит в Наркоминдел анкеты с поручительствами, и ему обещают в течение недели дать ответ. На следующий день Сологуб сообщает об этом в канцелярию Троцкого и просит напомнить о своем деле Карахану.⁵⁶ На рапорт Горяинова об этом наложена резолюция — кажется, рукой Троцкого (хотя почерк у него непримечательный) — «довести до конца». И правда — на следующий день выписаны заграничные паспорта и открыты визы, действительные до осени на выезд через Ямбург в Эстонию. Как раз еще через день, 28 января, подоспела приведенная выше одобрительная резолюция Луначарского, вызревавшая две недели. 2 февраля Сологуб и Чеботаревская забрали паспорта из канцелярии (с чем связана четырехдневная задержка — неясно, может быть, им не сразу сообщили о готовности).⁵⁷ 5 февраля Сологуб специально звонил в кан-

⁵² ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 35–35 об.

⁵³ Щеголева Валентина Андреевна (урожд. Богуславская; 1878–1931) — актриса; жена Щеголева.

⁵⁴ Щеголев Павел Павлович (1903–1936) — историк; сын Щеголева.

⁵⁵ Там же. Л. 28–29.

⁵⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 185.

⁵⁷ Единственный источник сведений об этой дате — летнее (19 июля 1921 года) письмо Сологуба А. Н. Горяинову: «2 февраля я и моя жена получили уже заграничные паспорта...» («Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 89).

целярию Троцкого и благодарил его (через секретаря).⁵⁸ Среди прочего, он сообщил, что они с женой еще несколько дней пробудут в Москве для получения разрешения на вывоз рукописей и других хлопот. 8 числа они оформили доверенности на получения пайков на имя Ольги Черносвитовой, сестры Чеботаревской. 11-го взяли справку о том, что Сологуб продолжает находиться в лечебнице.⁵⁹ И в тот же день они получили телеграмму о том, что их петроградская квартира ограблена.⁶⁰

Вечером этой же злосчастной пятницы, спешно уезжая из Москвы, Сологуб пишет Троцкому:

«Многоуважаемый Лев Давидович.

Уезжая спешно в Петроград, где у нас обкрадена квартира, унесены все необходимые вещи и одежда, я не могу не выразить Вам своей бесконечной признательности. К сожалению, мы не сможем осуществить нашей поездки, о котором <так!> мы просили Наталью Ивановну — когда у Вас будет свободная минута, м. б. Вы сможете это устроить.

Также очень прошу Вас еще раз вступить за злосчастливого проф. Г. Л. Лозинского (я убедился из шестинедельных бесплодных хлопот в Нар. Ком. Прос., что только Вы способны гуманно отозваться и двинуть какое-либо его живое дело), чтобы ему дали разрешение на 6 мес. лечебную поездку за границу. Все формальности исполнены, но дело стоит за резолюцией т. Покровского.

С приветом

Федор Сологуб».⁶¹

12-го утром Сологуб и Чеботаревская возвращаются в Петроград. В ближайшие несколько дней они пытаются возместить хотя бы часть ущерба, нанесенного им ограблением — просят Губисполком и Петрокоммуну выдать им паек, самовар, носильное и постельное белье, теплое пальто — и так далее.⁶² Очевидно, никаких новых хлопот, касающихся поездки, не предпринимается, но, несмотря на это на горизонте вдруг возникает зловещая тень.

В бумагах канцелярии Троцкого подшита бумага, датированная 23 февраля. Это справка, составленная и завизированная уже упоминавшимся выше А. Н. Горяиновым. В ней написано: «Ф. К. Сологуб не может осуществить поездки из-за отсутствия денег, принимаемых за границей. Несмотря на просьбу Наталии Ивановны об обмене Сологубу двести тысяч <так!> советских рублей на николаевские тов. Аванесов в этом отказал».⁶³

Ничего в описанной биографии Сурена Карапетовича Мартиросяна, более известного как Варлам Александрович Аванесов, не объясняет этого поступка.⁶⁴ Сын армянского крестьянина, учился в Ставропольской гимназии. Рано сойдясь с революционерами, эмигрировал в Швейцарию, закончил медицинский факультет Цюрихского университета. Состоял секретарем партийной ячейки города Давоса. Использовал псевдоним Карпыч. После большевистского переворота сделал стремительную карьеру. Его отказ обменять

⁵⁸ «Тов. Сологуб позвонил по телефону и просил передать его благодарность тов. Троцкому за оказанное ему содействие в получении разрешения на выезд за границу, чего он добился вчера, получив таковое, из Наркоминдела» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 181).

⁵⁹ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 188.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 641–641 об.

⁶² См.: Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 189–190.

⁶³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 640.

⁶⁴ См. прежде всего: Аванесов В. А. Статьи. Доклады. Материалы / Сост. и автор прим. С. У. Саркисян. Ереван, 1985.

Сологубу советские деньги на золотые червонцы был лишь дополнительным проявлением антипатии. Главный же шаг, оказавшийся фатальным, — отзыв уже выданных паспортов.

Про то, что паспорта были отозваны, мы знаем из нескольких источников. 22 апреля 1921 года Чеботаревская писала об этом Александре Михайловне Коллонтай (вот, кстати, еще одна большевистская дружба): «...к<a>к<им>-то чудом все же в М<оск>ве н<a>м выдали загр<аничные> паспорта, но лишь только мы приехали в П<етроград> у н<a>с их потребовали по приказу М<о>ск<овского> ком<итета> иностр<анных> д<е>л (подпись ос<обого> от<дела> и все уже было на пасп<ортах>) *обратно*». ⁶⁵ 19 июля 1921 года Сологуб, напоминая о своем деле А. Н. Горяинову, восстанавливал хронику минувших месяцев: «22 февраля их (паспорта. — А. С.) потребовали обратно». ⁶⁶ Само предписание о возврате паспортов, датированное 22 февраля, сохранилось в сологубовском архиве. ⁶⁷ И наконец, в служебной переписке между иностранным отделом ВЧК и секретариатом Троцкого единственный раз называется истинный виновник: «ИНО ВЧК сообщает, что паспорт Сологубу <так!>, выданный в начале февраля, был отобран обратно ввиду протеста Аванесова». ⁶⁸

Здесь, кстати, две сюжетных линии — официальная и лирическая — сплетаются, чтобы вновь разойтись. Сологуб снова и снова просит официальные лица о помощи Лозинскому — предмету безнадежной страсти своей жены. 25 апреля 1921 года он вновь пишет Троцкому и опять посвящает часть письма его судьбе: «В совершенно невозможном состоянии также проф. Г. Л. Лозинский, о котором мы неоднократно просили и Луначарского, и Покровского, и Семашко, так как он сам, туберкулезный, на костылях, лишен возможности приехать для личного ходатайства в Москву». ⁶⁹ Но летом этого же года Сологуб неожиданно пишет Лозинскому чрезвычайно возмущенное письмо — которое, возможно, так и не было отправлено: «На днях я совершенно случайно узнал, что в феврале этого года письмо от Ан. Н. к Вам, присланное из Москвы, попало в чужие руки, и Вы это скрывали 4 месяца, хотя Вам было известно, что для нас это повлекло весьма неприятные последствия». ⁷⁰

Комментировать все это непросто — не только из-за деликатности темы, но и потому, что все за пределами этого фрагмента погружено в полный туман. Но, учитывая, что главное огорчение февраля (после ограбления) — это отзыв паспортов, не исключено, что небрежность Лозинского имела к нему отношение. Сам он, кстати, бежал в том же августе после гибели Гумилева и ареста брата — и его отъезд послужил одной из причин обострения душевной болезни Чеботаревской. Близко наблюдавшая Сологубов В. Щеголева писала в частном письме: «На нее <Ан. Чеботаревскую. — А. С.> очень повлияла смерть Блока, а затем Гумилева. К этому прибавилась еще тревога за Фед. Куз., у которого участились сердечные припадки. Но это еще не все. Самым горьким и острым переживанием была мука неразделенной любви к одному, только что уехавшему за границу, человеку. Она страшно тосковала и совершенно потеряла голову». ⁷¹

⁶⁵ «Шипение Сологуба не прибавит ничего». С. 68.

⁶⁶ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 89.

⁶⁷ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 190.

⁶⁸ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 88.

⁶⁹ «Шипение Сологуба не прибавит ничего». С. 69.

⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 31. Л. 3–3 об. (письмо от 20 июня 1921 года).

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 1–1 об. (письмо к Н. Г. Чулковой от 7 февраля 1922 года).

Весной и летом 1921 года хлопоты о выезде не прекращаются ни на один месяц. 19 мая секретариат РКП(б) постановляет в очередном запросе на выезд отказать.⁷² В конце мая Сологубы сами прибывают в Москву в надежде разрешить коллизию с паспортами. 8 июня датировано новое письмо Троцкому:

«Многоуважаемый Лев Давидович,

Пробыли мы здесь 2 недели и с трудом удалось добиться свидания с т. Давыдовым (В. Ч. К.), от которого мы пытались узнать причину отобрания у нас паспортов. Но, разумеется, ничего не узнали. Самый факт выдачи паспортов т. Давыдов⁷³ объяснил „недоразумением“. После этого нам нечего больше делать, и остается только уехать, пока в Кострому, где вопреки желанию Нат. Ив. у нас все-таки взяли дачу; мы спешим взять хоть книги и рукописи из запертой комнаты и вернуться в Петроград. Мы понимаем, что Вы и Наталья Ивановна сделали все, что могли, — но здесь противостоит какая-то темная и слепая стихия „непущения“, от которой можно только отойти территориально, но увы! Это дано не нам. Какой смысл держать нас здесь, как и того несчастного туберкулезного профессора, о котором мы Вам писали? Какие мы враги народа? — На это, очевидно, ответит только история.

С приветом

Федор Сологуб.

Наш костромской адрес: Кострома, Раб.-Кр. Университет».⁷⁴

На рубеже июня и июля это письмо Сологуба проходит через канцелярию В. Р. Менжинского.⁷⁵ 6 июля иностранный отдел ВЧК отказывается выдавать паспорт Сологубу, как и вообще писателям.⁷⁶ 16 июля А. Г. Орг, владелец ревельского издательства «Библиофил» (под маркой которого издавались книги Сологуба) отправляет ему сочувственное письмо: «Получил Вашу записку о постигшей Вас в Москве неудаче. Особенно унывать не следует, что-нибудь придумаем».⁷⁷ Но неожиданно в деле появляется оптимистическое известие — и вновь оно исходит из секретариата Троцкого: 13 июля тот телеграфирует Сологубу в Кострому, что им с Чеботаревской разрешен выезд.⁷⁸

Это разрешение, полученное на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 12 июля, было частью сложной и до сих пор неочевидной литературно-политической интриги: на том же заседании рассматривались ходатайства Горького и Луначарского о разрешении на выезд Блока — и оба они были отклонены. Луначарский, встревоженный неудачей, пытался это решение оспорить, в полемическом запале нападая на своего дальнего родственника: «Сообщенные мне решения ЦК РКП по поводу Блока и Сологуба кажутся мне плодом явного недоразумения. Трудно представить себе решение, нерациональность которого в такой огромной мере бросалась бы в глаза. Кто такой Сологуб? Старый

⁷² «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 88. Вероятно, это рассмотрение было инспирировано письмом А. В. Луначарского в ЦК РКП(б) от 10 мая 1921 года («Шипение Сологуба не прибавит ничего». С. 71).

⁷³ Давыдов — Яков Христофорович Давтян (1888–1938; расстрелян).

⁷⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 739–739 об.

⁷⁵ Известна исходящая сопроводительная бумага из канцелярии Троцкого: «Прилагая письмо Федора Сологуба, сообщаю стенограмму т. Троцкого: Бутову. Поговорите с т. Менжинским или т. Могилевским. Их заключение. Покажите им это письмо» (Там же. Л. 639).

⁷⁶ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 88–89.

⁷⁷ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 192.

⁷⁸ «Вам принципиально разрешен выезд за границу точка поэтому следует выправлять все бумаги точка Некоторое содействие в этом окажет мой Секретариат точка» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 737). Телеграмма отправлена на адрес Костромского рабоче-крестьянского университета (Сологубы проводили лето в Костромской губернии).

писатель, не возбуждающий более никаких надежд, самым злостным и ядовитым образом настроенный против Советской России, везущий с собой за границу злостную сатиру под названием „Китайская Республика равных“. И этого человека, относительно которого я никогда не настаивал, за которого я, как народный комиссар просвещения, ни разу не ручался (да и было бы бессовестно), о котором я говорил только, что я поставлен в тяжелое положение, ибо ВЧК не отпускает его, а Наркомпрод и Наркомфин не дают мне средств его содержать, этого человека Вы отпускаете. Кто такой Блок? Поэт молодой, возбуждающий огромные надежды, вместе с Брюсовым и Горьким главное украшение всей нашей литературы, так сказать вчерашнего дня»⁷⁹ и т. д.

Примечательно, что Сологубы, несмотря на многолетнее ожидание и очевидную шаткость бюрократической конструкции, вовсе не торопятся: в письме к секретарю Троцкого Сологуб поясняет, что выехать в Москву немедленно из-за нездоровья Чеботаревской они не могут, а придут только в августе.⁸⁰ И вновь, как было в феврале, тщанием канцелярии Троцкого для Сологубов организуется режим наибольшего благоприветствования — бесплатный проезд из Костромы в Москву,⁸¹ охрана петроградской квартиры,⁸² ходатайство по поводу обмена валюты⁸³ и так далее. Вскоре радостная весть достигла и провинции — тот же А. Г. Орг восторженно приветствовал пришедшие из Костромы новости:

«Глубокоуважаемый Феодор Кузьмич!

Искренно, от всей души поздравляю с успехом! Дай Бог нам скорее свидеться! Тут для Вас и Анастасии Николаевны все приготовлено: приезжайте спокойно, встретим Вас „Сочтенными днями“, поотдохнете, наберетесь сил и обрадуете нас новыми книгами.

Разрешение на въезд посылаю Вам сегодня же. Очень прошу Вас сразу же сообщить, когда выезжаете, чтобы мог встретить».⁸⁴

Этим надеждам не суждено было сбыться: из-за обострения наследственного психического заболевания Чеботаревской поездку пришлось отложить. Трагедия 23 сентября поставила точку в этой истории.

⁷⁹ «Он будет писать стихи против нас». Правда о болезни и смерти Александра Блока / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. 1995. № 2. С. 39–40. Загадочен источник сведений Луначарского о действительно написанной Сологубом «Китайской республике равных» (см.: Сологуб Ф. Богдыхан: Эпизоды из романа, который может быть написан / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 528–542).

⁸⁰ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 89.

⁸¹ Ср. в телеграмме от 11 августа 1921 года из секретариата Троцкого к костромскому военкому: «Вам явится писатель Сологуб точка. Просьба оказать ему необходимое содействие проезду Москву смысле железнодорожного тарифа выдаче проездных документов литеры точка» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 467. Л. 98; по другой копии и с разночтениями этот и три следующих фрагмента напечатаны: «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 91–93).

⁸² Телеграмма от 14 августа из секретариата Троцкого к петроградскому военкому: «Писатель Сологуб задерживается Костроме чтением пользу голодающих точка Петрограде опиши вещей дома 5 по 10 линии Васильевского острова окажите содействие охране вещей квартиры т. Сологуб» (Там же. Л. 165).

⁸³ Ср. в «почто-телефонограмме» Троцкого к Л. Б. Красину от 25 августа 1921 года: «Прилагаю письмо писателя Сологуба. Его выезд два раза разрешался, потом разрешение отменялось и пр. и пр. Он сильно голодал с женой. Теперь как будто все устроилось, но остановка за валютой. Что можно сделать?» (Там же. Л. 204).

⁸⁴ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 192.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. В. Карташев

ПИСЬМО К К. К. ЭНКЕЛЮ

(ПУБЛИКАЦИЯ © М. М. ПАВЛОВОЙ)

Публикуемый документ фиксирует еще одну неудавшуюся попытку получения транзитной визы для Ф. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской, которую по просьбе Мережковских в марте 1919 года предпринял их ближайший соратник по религиозно-общественной деятельности, бывший министр вероисповеданий Временного правительства Антон Владимирович Карташев (1875–1960), находившийся в Гельсингфорсе (Хельсинки).¹

Как следует из публикуемого письма, Мережковские просили Карташева о содействии в получении транзитной визы в Финляндию также для своего секретаря Владимира Ананьевича Злобина (1894–1967),² его матери — Екатерины Александровны Злобиной (урожд. Падерина) и их знакомой — некоей Елены Владимировны Альтшуль.

Скудные анкетные сведения об Альтшуль удалось обнаружить в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (личное дело хранится в фонде латвийских оптантов).³ Согласно анкетным данным, она родилась в 1893 году в Либаве (Лиепаве), православного вероисповедания, по месту жительства на 1912 год зарегистрирована в Воронеже; в 1914-м приехала в Петербург, поступила на курсы (какие — не указано). В личной карточке по найму ПСНХ (Петроградского Совета народного хозяйства) значится, что с марта по ноябрь 1917 года Альтшуль работала конторщицей в земском союзе; в июле 1919 года поступила на службу в должности счетовода в счетно-финансовый отдел Петротопы. К личному делу приложен опросный лист с фотографией (очень интересное девичье лицо), прошение от 24 сентября 1918 года о выдаче загранпаспорта (в графе «Цель поездки»: «за полным отсутствием средств к жизни еду на иждивение к брату в Киев», адрес указан); удостоверение о том, что препятствий в выезде в оккупированные области со стороны Совета Трудовой коммуны не встречается.⁴

Письмо Карташева с просьбой о выдаче транзитных виз для пятерых именованных лиц адресовано видному финскому государственному деятелю, последнему министру статс-секретарю Финляндии (8 апреля — ноябрь 1917 года),

¹ В ночь с 25 на 26 октября 1917 года А. В. Карташев вместе с другими министрами Временного правительства был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен в тюрьму «Кресты»; после освобождения в январе 1918 года перешел на нелегальное положение и уехал в Москву. Будучи членом Высшего церковного совета при патриархе Тихоне, летом 1918 года принимал участие в Поместном соборе; одновременно работал в подпольной антибольшевистской организации «Национальный Центр» (1918–1920). После роспуска большевиками Поместного собора бежал в Финляндию; в ночь на новый 1919 год перешел финскую границу. В Гельсингфорсе вошел в «Политическое совещание» при генерале Н. Н. Юдениче, занимался организацией Белого движения на Северо-Западе; с 1920 года — в Париже, председатель Русского национального комитета (1924–1940). См.: Автобиография Антона Владимировича Карташева (1875–1960) // Вестник русского студенческого христианского движения (Париж; Нью-Йорк). 1960. № 58–59.

² О планируемом совместно с Мережковскими отъезде Злобина см.: Переписка З. Н. Гиппиус с В. А. Злобиным. 1916–1919 / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Лит. наследство. 2021. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 2. С. 555, 565–566, 596 (письма Гиппиус от 18 сентября 1918-го, 17 января и от марта 1919 года).

³ Личное дело Е. В. Альтшуль: ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 16. Д. 99 (Иностранное отделение. Латвийцы «Ал»); Ф. Р-80. Оп. 22. Д. 79; личная карточка: Там же. Ф. 3-1366. Оп. 4. Д. 130.

⁴ Там же. Ф. Р-80. Оп. 22. Д. 79. Л. 114.

с которым как член Временного правительства Карташев, очевидно, соприкасался. Карл Карлович Энкель (полное имя: Карл Йохан Алексис Энкель, Carl Johan Alexis Enckell; 1876–1959) родился в Петербурге в семье генерала Российской армии К. К. Энкеля (1839–1921), подробные сведения о династии Энкелей можно почерпнуть в обстоятельной работе М. Витухновской-Кауппала,⁵ здесь этой темы мы касаться не будем.

Энкель младший, получивший военное образование в кадетском корпусе во Фридрихсгаме (по его окончании в 1896-м три года служил в Лейб-гвардии Измайловском полку) и инженерное в Германии, свободно вращался в политических, промышленных и в военных кругах Петрограда, имел тесные связи с членами Временного правительства и непосредственно с А. Ф. Керенским.⁶ После большевистского переворота и объявления независимости Финляндии его должность стала именоваться так: представитель Финского сената в России. С 1918 года Энкель занимал пост министра иностранных дел Финляндии (позднее на этот пост его назначали неоднократно).⁷ К нему («русскому» финну) с просьбами о содействии в получении визы постоянно обращались многочисленные русские оптанты.

Ответ Энкеля на обращение Карташева неизвестен; возможно, его помощью по каким-то причинам не воспользовались. Злобин бежал из Петрограда 24 января 1919 года вместе с Мережковскими и Д. В. Философовым, Е. А. Злобина осталась в России, в 1922 году она приезжала в Германию повидать сына (с надеждой склонить его к возвращению на родину); Е. В. Альтшуль, согласно имеющимся в ее личном деле документам, могла покинуть Россию не ранее 1921 года,⁸ однако о ее дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

Письмо А. В. Карташева к К. К. Энкелю публикуется по копии, хранящейся в фонде Д. Д. Гримма⁹ в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США): The Hoover Institution on War, Revolution, and Peace. Coll. David D. Grimm. Correspondence Kartashev. 1919–1921. Box 1. Оригинал письма не выявлен.

Приносим благодарность Г. В. Обатнину за консультацию и тщательное обследование корреспонденции К. К. Энкеля в хельсинкском архиве (National Archives of Finland. Carl Enckell's archive. Box 84).

⁵ *Витухновская-Кауппала М.* Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель–ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 117–131.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ Как отмечает М. Витухновская-Кауппала, Энкель занимал должность министра иностранных дел Финляндии в самые решительные периоды финской истории: возглавлял финскую делегацию на Парижских мирных переговорах (1919), был послом Финляндии во Франции; руководил финской делегацией на переговорах о перемирии с СССР (1944), от лица Финляндии подписал мирный договор с СССР (1947). На всем протяжении «карьеры политика ему помогали навыки, полученные в имперской России, и многочисленные социальные сети, сложившиеся в молодые годы» (Там же. С. 130).

⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 16. Д. 99 (Иностранное отделение. Латвийцы «Ал»). Л. 114. В личном деле имеется документ: «Удостоверение от февраля 1921 г. на имя Е. В. Альтшуль, конторщицы из Железкома Мурманской ж. д. в том, что к увольнению ее со службы в виду отъезда на родину в Латвию препятствий со стороны Железкома Мурманской ж. д. не встречается».

⁹ Гримм Давид Давидович (1864–1941) — юрист, правовед, в 1910–1911 годах ректор Санкт-Петербургского университета; видный член конституционно-демократической партии; в марте 1917 года был назначен комиссаром Временного правительства над Государственной Канцелярией и Канцелярией по принятию прошений. С февраля 1920 года в эмиграции в Финляндии, позднее в Париже; участвовал в антибольшевистском движении; с конца 1920 года — представитель Главнокомандующего Русской армией барона П. Н. Врангеля и парижского Совета послов. Позже вошел в состав Русского национального комитета (1921–1940) с центром в Париже.

Глубокоуважаемый
Карл Карлович

Позволяю себе затруднить Вас ходатайством о разрешении въезда в Финляндию из Петрограда известному русскому беллетристу Федору Кузьмичу Тетерникову (Соллогубу) <так!> и его жене, также писательнице Анастасии Николаевне Чеботаревской.¹

Соллогуб как публицист в течение всей войны был врагом пораженчества,² а затем стал врагом большевиков и потому теперь уста его запечатаны и делать ему в бывшей России нечего. Насколько мне известно, супруги Соллогуб имеют целью своего путешествия Париж. Потому пребывание их в Финляндии должно быть временным, и финляндская виза может быть только транзитной.

В такой же транзитной визе нуждаются и еще три лица по просьбе Д. С. Мережковского: Екатерина Александровна Злобина, Владимир Ананьевич Злобин и Елена Владимировна Альтшуль.

Это бывшие домовладельцы и состоятельные буржуа, у которых Д. С. Мережковский жил на даче³ и с которыми он поддерживал близкие отношения.

В случае Вашего согласия, не откажите дать моему ходатайству немедленное движение.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Гельсингфорс Марта 1919 г.

¹ План бегства через Финляндию Мережковские обсуждали совместно с Сологубами. 2 января 1919 года Гиппиус осторожно писала Чеботаревской: «Не собираетесь ли вы в Финляндию? Посмотреть бы на небо да на снег в какой-нибудь санатории, легче бы, я думаю, стало» (Письма З. Н. Гиппиус к Федору Сологубу и А. Н. Чеботаревской (1894–1917) / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Лит. наследство. Т. 106. Кн. 1. С. 556). См. также очерк «Отрывочное. О Сологубе»: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. Живые лица / Вступ. статья, сост., подг. текста, комм. Н. А. Богомолова. М., 1991. С. 370).

² С самого начала Первой мировой войны Сологуб занял «оборонческую» позицию, за что не раз подвергался резкой критике в «пораженческой» печати, в частности в «Голосе жизни», в редакцию которого входили Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философов (с января 1915 года — редактор); подробнее об этом см.: *Голлербах Е. А.* Федор Сологуб и «Отечество» З. И. Гржебина // Русская литература. 2016. № 1. С. 159–176; *Козьменко М. В.* Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: Политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 476–503; *Павлова М. М.* Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. С. 15–29; *Сологуб Ф.* Публицистика Первой мировой войны / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Там же. С. 30–165.

³ С июля по сентябрь 1918 года Мережковские жили на даче в Дружноселье — бывшем имении генерала П. Х. Витгенштейна в Царскосельском уезде Петроградской губернии, неподалеку от станции Сиверская Варшавской железной дороги. О последних владельцах дачи сведениями мы не располагаем.